

ОБЗОРНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Идеи «евразийства»: эволюция, текущее состояние, значение для современной России (общественно-географический аспект)

Дружинин Александр Георгиевич

доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия

alexdrug@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4985-9281>

АННОТАЦИЯ

Меняющееся мироустройство инициирует формирование Российской Федерации обновлённой геостратегии, одним из концептуальных и идеологических фундаментов которой призвано стать евразийство. В статье охарактеризованы исходные интеллектуальные и общественно-географические предпосылки зарождения, развития и последующей (в том числе в постсоветский период) эволюции евразийских идей. Выделены их ключевые постулаты и положения. Показано, что евразийство исторически являлось интеллектуальной реакцией российского общества на укоренившийся европоцентризм и сопряжённую с ним ситуацию периферийности, дополняемых периодически возникающим кризисом в системе «Россия-Запад», а также устойчивыми проявлениями геоснобизма со стороны «цивилизованных государств». Оценена степень адекватности евразийства (рассматриваемого в качестве особой геноидеологии) geopolитическим, геоэкономическим и геокультурным реалиям первой четверти XXI века. Показана концептуальная двойственность евразийства, способного одновременно выступать как идеологией территориальной интеграции (народов, стран), «научно-обоснованного»,

«географически заданного» собирания земель, так и концептуальной рамкой самостоятельности, самоопределения дистанцирования от чего-то внешнего и большего (от Европы, Запада, «мирового сообщества»). Акцентированы ключевые факты и аспекты кризиса современного евразийства (проблемные области аппликации евразийства и его понятийно-категориальных и содержательных метаморфоз), оценены возможности, а также направления его преодоления (в том числе в рамках концептуализации «Большой Евразии» и «Северной Евразии»). Сделан вывод, что вступление Российской Федерации в период пролонгированного конфликта с «коллективным Западом» создаёт предпосылки для ренессанса евразийства в русле всё чётче осознаваемой отечественными обществоведами «национальной определённости» исследований. Сделан вывод, что в грядущем развитии евразийских идей неизбежно смещение акцентов с традиционного, ставшего во многом архивным, понимания «Евразии как России» — к идентификации собственно «России в Евразии» и осмыслиению «России как Евразии».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

евразийство, geopolитика, геостратегия России, пространственное развитие, общественная география

ГЕОТЕГИ

Россия, Евразия, Большая Евразия

UDC 325.36
DOI 10.63115/4504.2025.84.61.001

REVIEW RESEARCH ARTICLE

The Ideas of «Eurasianism»: Evolution, Current State, Significance for Modern Russia (Human Geography Aspect)

Alexander Druzhinin

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Leading Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

alexdrug@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4985-9281>

ABSTRACT

The rapidly changing world order initiates the formation of a renewed geostrategy by the Russian Federation, one of the conceptual and ideological foundations of which can be Eurasianism. The article describes the initial intellectual and human-geographical prerequisites for the origin, development and subsequent (including in the post-Soviet period) evolution of Eurasian ideas. Their key postulates and positions are highlighted. It is shown that Eurasianism has historically been an intellectual reaction of Russian society to entrenched Eurocentrism and the associated situation of peripherality, complemented by the periodic crisis in the Russia-West system, as well as persistent manifestations of geo-snobbery on the part of «civilized states.» The degree of adequacy of Eurasianism (considered as a special geoideology) to the geopolitical, geo-economic and geocultural realities of the first quarter of the 21st century is assessed. The conceptual duality of Eurasianism, which can simultaneously act as an ideology, is shown: 1) territorial integration (of peoples, countries), «scientifically based», «geographically

defined» collection of lands; 2) independence, self-determination, distancing from something external and larger (from Europe, the West, the «world community»). The key factors and aspects of the crisis of modern Eurasianism (problematic areas of application of Eurasianism and its conceptual, categorical and meaningful metamorphoses) are emphasized, the possibilities and directions of its overcoming are assessed (including within the framework of the conceptualization of «Greater Eurasia» and «Northern Eurasia»). It is concluded that the entry of the Russian Federation into a period of prolonged conflict with the «collective West» creates the prerequisites for a renaissance of Eurasianism in line with the «national certainty» of their research, which is becoming more clearly recognized by Russian social scientists. It is concluded that in the future development of Eurasian ideas, there will inevitably be a shift in emphasis from the traditional, largely archived understanding of «Eurasia as Russia» to the identification of «Russia in Eurasia» and the understanding of «Russia as Eurasia.»

KEYWORDS

Eurasianism, geopolitics, geostrategy of Russia, spatial development, human geography

GEOTAGS

Russia, Eurasia, Greater Eurasia

 брачаясь к тематике евразийства как многоаспектного, яркого, подчас неоднозначно оцениваемого исследовательским сообществом мировоззрения и фиксируя внимание на соответствующем спектре геополитических, геоэкономических и геокультурных идей, а также их аппликации к условиям ныне стремительно меняющегося мира, к возможностям и интересам современной России, неизбежно приходится, как бы, проходить между Сциллой и Харибдой, уходя, с одной стороны, от заведомой апологетики евразийской идеологии, казалось бы, неизбежной, естественной для нашей страны, особенно в нынешней ситуации, а с другой — избегая чрезмерно жёсткой и тоже практически неустранимой её критики, мотивированной в последние годы лишь возрастающим разрывом между, используя терминологию В.Л. Цимбурского [Цимбурский, 2007], «евразийством заданностей» и «евразийством данностей».

Будучи системно сформулированными и артикулированными столетие назад [Исход к Востоку, 1921], евразийские категории и идеи полновесно присутствуют в отечественном научном дискурсе с середины 1980-х гг., причём, во многом, благодаря масштабным и увлекательным книгам Л.Н. Гумилёва [Гумилёв, 1989; Гумилёв, 1993 и др.]. С Львом Николаевичем, кстати, автору посчастливилось общаться ещё девятиклассником, а чуть позже, в уже не менее далёком 1986 г., этот выдающийся учёный оказался председательствующим на заседании диссовета Ленинградского университета, где я защищал кандидатскую. Моя докторская диссертация (1995 г.), в которой на российской фактологии обосновывалась в том числе концепция геоэтнокультурной системы [Дружинин, 1995; Дружинин, 1999] была по целому ряду аспектов выстроена с ориентиром на идеи евразийства. В те годы, будучи начинающим и получившим классическое экономико-географическое образование исследователем, я воспринимал Евразию, евразийское пространство (не материк!) как некую материальную данность, вполне чётко оконтуренный и достаточно устойчивый территориальный объект. Впрочем, в первые постсоветские годы Евразия-Россия (которая, согласно П.Н. Савицкому, «не только „Запад“, но и „Восток“, не только „Европа“, но и „Азия“, и даже вовсе не „Европа“, а „Евразия“» [Исход к Востоку, 1921: 2], сохраняя «колею» СССР, вне сомнения, таковой преимущественно и была.

Вновь вернулся к евразийской тематике я уже в начале 2010-х гг. в существенно видоизменившихся геополитических и геоэкономических условиях, фиксируя и осмысливая чётко проявившиеся к тому периоду масштабные метаморфозы Евразии [Дружинин, 2016; Дружинин, 2020], корректируя собственное, становящееся всё более многомерным, отношение к евразийским идеям, пытаясь осознать и обосновать потенциал и сферы их применимости с учётом интересов и возможностей современной России [Дружинин, 2021; Дружинин, 2024а; Дружинин, 2024б и др.].

Цель данной статьи (выстроенной в русле идей и подходов одноимённого авторского научного доклада, озвученного 15 марта 2024 г. в Институте географии

фии РАН) состоит в экспертизе ключевых постулатов и положений евразийства, оценке степени их адекватности современной системе представлений общественной географии, а такжеозвучности реалиям мироустройства первой четверти XXI века.

* * *

Евразийство — это, по существу, интеллектуальная квинтэссенция всей российской геоистории. Данная совокупность идей возникла именно на отечественной духовной, научной «почве», превратившись в одно из основополагающих для России направлений её самопознания и, соответственно, важнейший компонент идеологического фундамента [Лавров, 2000; Дугин, 2022] нашей национально ориентированной geopolитики. Эта по определению П.Н. Савицкого [Тридцатые годы, 1931] «стержневая идеология русского народа» культивировалась как минимум 6–7 поколениями (начиная с середины XIX века, практически, с эпохи завершения Крымской войны) учёных, мыслителей, литераторов (от Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, И. Гаспринского и В.И. Ламанского до А.Г. Дугина и А.С. Панарина). Столь длительный тренд, пришедшийся на совершенно разные эпохи, предопределил эволюцию евразийских идей, их поливариантность, необходимость коррекции и развития.

Будучи формируемы усилиями целой плеяды российских интеллектуалов, евразийство лишь отчасти, внешне, при самом поверхностном рассмотрении, предстаёт целостной и завершённой именно научной доктриной. Опираясь на доминантные представления соответствующих исследовательских дисциплин (с безусловной в этом случае поправкой на исторический контекст), рассматриваемое интеллектуальное течение является, скорее, их симбиоз с идеологическими схемами и политическими (преимущественно geopolитическими) декларациями, придающими евразийству также свойства особой геоидеологии. Евразийство (особенно в своём нынешнем виде) противоречиво, многоаспектно, эклектично и междисциплинарно. Оно объединяет свои достаточно разноплановые содержательные сущности: философско-теологическую (включая акцент на роли православия), политico-экономическую (размышление о том, как выстроить ориентированную на географическую специфику страны систему хозяйствования) и, наконец, geopolитическую (интересы России, её соперники и потенциальные партнёры).

Своими базовыми подходами и основополагающими посылами евразийство «приближено» и к географии, прежде всего, к её общественно-географической ветви. Сами основоположники евразийства подчёркивали: «мы... географичны» [Евразийский временник, 1923: 7]. Именно особая территория (её генезис, свойства и условия развития, внешние границы, а также её отношения с иными, в том числе с сопредельными территориальными структурами) в идеологемах евразий-

ства занимает сердцевинное положение, воплощаемое системой специальных терминологических конструктов (геоконцептов): «Евразия», «евразийский мир», «месторазвитие», «Россия–Евразия».

Относясь преимущественно к предметным сферам геополитики, геоэкономики и культурной географии, уже с 1920-х годов в общемировом масштабе евразийство достаточно заметно и узнаваемо, в том числе как особый инвариант «континентальной» идеологии [Shlapentokh, 1997; O'Loughlin, 2001; Bassin, 2003]. Оно вызывает интерес, отторжение, провоцирует то и дело возникающие «волны» критики [Bassin, 2015]. Собственно евразийские идеологемы (не следует путать их с повсеместным, особенно в geopolитическом дискурсе, оперированием категорией «Евразия», относимой, в подавляющей массе ситуаций, практически ко всему соответствующему, крупнейшему на планете и наиболее заселённому материку), при этом по-настоящему всерьёз укоренились лишь на нашей национальной интеллектуально-политической «почве». Вне её, с определённой долей условности можно идентифицировать лишь балканский инвариант евразийства, культивируемого ещё в первой половине XX столетия сербским географом И. Цвијичем [Цвијић, 1966], инициированное политическими установками Н. Назарбаева казахстанское евразийство [Beloglazov, Akhmetzyanov, 2015], инварианты турецкого евразийства [Akçali, Perinçek, 2009], а также венгерский туранизм [Balogh, 2020]. В своём генезисе, перспективе, сущностных основах евразийство представляет собой, в этой связи, преимущественно «российцентрированную» геоидеологию, чья актуализация, в свою очередь, связана со стадиальной geopolитической конъюнктурой сближения–удаления России от Европы / Запада, как это хорошо показал В.Л. Цымбурский (Цымбурский, 2007), а процесс укоренения на российской «почве» — ещё и с идеологическими доминантами в России (СССР).

Весьма благоприятными для культивирования в нашей стране евразийских идей оказались 1860–1890-е годы, 1986–1995 гг., а также современное нам последнее десятилетие (с 2014 года), т.е. 40–50 лет из 170. Иные же, временные периоды (существенно более пролонгированные) евразийские идеи пребывали преимущественно на интеллектуальной периферии российского общества, являясь практически маргинальными, известными и воспринимаемыми очень узким кругом лиц. Характерно, что данная ситуация устойчиво воспроизводилась не только в «европоориентированной» с петровской эпохи [Вернадский, 1927] Российской империи, но и, в ещё более явном виде, в условиях СССР, с присущим превалирующей части его исторической траектории латентным пietetом к Западу (даже в условиях перманентного противостояния с ним). Существенно, при этом, что советская власть, начиная с В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и даже первых лет правления И.В. Сталина, стремилась реализовывать собственный глобалистский проект [Троцкий, 2016], что, наряду с «идеологической определённостью» той эпохи, лишило евразийство (в его тиражировании и развитии) реальных практических

перспектив.

С конца 1980-х гг. евразийство полноформатно вернулось в нашу страну, в её научный дискурс, политику, оказавшись предельно востребованным в качестве «важнейшей и актуальнойнейшей геополитической концепции для России» [Лавров, 2000] именно в условиях её тотального кризиса, катастрофического разрыва. В пёстрой, во многом подпитываемой извне идеологической палитре Российской Федерации 1990–2000-х годов евразийство, тем не менее, также фактически оставалось преимущественно на «второстепенных ролях», поскольку основные социально-политические ориентиры и установки были связаны с расширением партнёрства с Западом, с интеграцией в «мировое сообщество». Безусловно, одновременно артикулировались и приоритеты евразийской реинтеграции, но практический фокус в любом случае делался на инкорпорирование страны в глобалистские структуры; подобная геостратегическая двойственность (как и любого рода погоня «за двумя зайцами») оказалась в итоге ограниченной во времени и низкоэффективной.

Характерная для постсоветского периода непоследовательная (и не всеобщая) востребованность евразийства (дополняемая кризисом отечественного обществознания) вела к его упрощению, примитивизации, низведению ранее оформленвшегося (трудами Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и других «классиков») яркого и многогранного учения до простых схем и шаблонов. Евразийство содержательно «растаскивалось», превращаясь в набор символов («Евразия», «евразийский»), оперирование которыми всё больше подменяло контент. Присущий евразийству баланс научных идей и политически ангажированной идеологии всё больше смешался при этом в пользу последней. В ней, к тому же, всё меньше оказывалось учёта реального «гео», а всё больше дистанцированных от общественно-географической реальности политологических и социологических схем. Оформились многочисленные инварианты «параевразийства» (идея «Большой Евразии», «Северной Евразии», «Скифии», «Российской империи 2,0» и др.). Евразийство становилось квазигеографичным, вмещая в себя множественные, относящиеся к современной ситуации в Евразии и реальному месту России в евразийском пространстве содержательные противоречия и вопросы.

Наиболее важный вопрос обусловлен практическим игнорированием в современной апологетике евразийства фактора времени и пространственных изменений. «География, согласно А.Г. Дугину — это судьба, а Евразия — судьба для всех постсоветских стран» [Дугин, 2022]. Но «география» (особенно, если речь идет именно об общественной географии) — не константа, не извечная данность. Нет, в принципе не может быть, как ранее справедливо подмечал В.Л. Каганский [Каганский, 2007] и неизменной «Евразии». Сохранявшаяся в контуре СССР историческая (классическая) «Россия-Евразия» в постсоветский период испытала пространственную эрозию, глубинную метаморфозу, ведущую не только к

количественным (площадным), но и качественным (структурным) изменениям, с одной стороны, сжимаясь в своём русском компоненте, а с другой (под воздействием экзогенных детерминант, наподобие Турции, Китая, Евросоюза и в целом глобализма, со временем отчасти становящихся и внутриевразийскими), напротив, расширяясь.

Не столь существенно, как идентифицировать и концептуализировать складывающуюся при этом новую реальность — в качестве «Многополюсной Мега-Евразии» [Дружинин, 2016], «Большой Евразии» [Бордачёв, 2016; Котляков, Шупер, 2019] либо, иным схожим образом. Важно, что уже практически обозначилось не эксклюзивное и отнюдь не доминантное (как это было в «классический» период евразийства) место в этой структуре собственно России, русского этноса и русской культуры. Можно вести речь и о фактической, обусловленной в том числе и этнодемографической динамикой «дерусификации» Евразии (в последние годы заметной как в сопредельных постсоциалистических, постсоветских государствах, так и, благодаря фактору миграции — непосредственно в ряде регионов самой Российской Федерации), чему способствует не только «накат» на традиционное «евразийское пространство» коллективного Запада (лишь отчасти приостановленный СВО), но и набирающая обороты имплементация во многом альтернативной евразийству идеи «Тюркского мира», а также реализация китаеориентированной инициативы «Один пояс, один путь», стремительное укрепление геостратегических позиций Индии, превращение в самостоятельные «центры силы» Пакистана, Ирана, монархий Персидского залива.

Культивируемый же евразийством (и в особой мере присущий его «неоевразийским» интерпретациям) симбиоз природного детерминизма и исторического фатализма, вызывая отторжение в сопредельных с Россией государствах, всё меньше отвечает геополитическим реалиям, включая и собственно интересы российской внешней политики. Дезориентирует он и само российское общество, продуцируя в нём в целом обманчивое, контрпродуктивное видение некой природно-географической предначертанности, предопределённости (и устойчивости, стабильности во времени) ареала доминанты русской культуры и geopolитических интересов России [Дружинин, 2024б]. Он же препятствует осознанию нарастающих в данной сфере в постсоветский период изменений (и, соответственно, проблемных ситуаций, рисков), слабо мотивируя необходимую мобилизацию коллективной воли в вопросах будущего нашей страны.

Иной характерный для евразийства (также представляющийся неприемлемым с позиции современной общественной географии) посыл связан с фактической (в традиционных для «евразийских» представлений о Евразии как «едином географическом мире» и «целостном месторазвитии» [Вернадский, 1927] идентификацией (и абсолютизацией) конкретного уровня территориальной таксономии, оформленвшегося на определённой исторической стадии. Сложность (проблем-

ность) ситуации заключается в том, что пространственная организация общества характеризуется не только своей фрагментированностью и динамизмом, но и полимасштабностью. И, в этой связи, признание какого-либо из уровней пространственной таксономии (глобального, метарегионального, странового или регионального) в качестве доминантного, эксклюзивного — возможно лишь как политически (геополитически) мотивированный интеллектуальный акт, воплощённый в формат той или иной национальной (государственной) идеологии.

То есть, то, что какой-то этнос, народ воспринимает некую территории «своей», идентифицирует её в каких-либо «естественных» («исторических», «жизненно необходимых», «международно признанных» и т.п.) границах, не отменяет подчас имеющие место внутристрановые, субтерриториальные устремления к «суворенитету», обособлению, ни аналогичные претензии на эту же территорию (или её часть) иного народа (территориальной общности) как неотъемлемой части своего столь же политико-идеологически обосновываемого «жизненного пространства» («месторазвития»). Последнее, в этой же предопределенной территориальной организацией общества геополитической логике (определим её как принцип иномасштабного зеркального подобия в геополитике), не избавлено от экспансионистских устремлений (также облачённых в соответствующие геоидеологические конструкты) ещё более мощных, крупных и активных государств и их объединений.

Весьма существенно в этой связи и то, что общественно-географические «миры» (в том числе цивилизационного уровня) — теоретически равнозначны (в чём евразийские подходы абсолютно корректны), но практически неравновесны; они существуют в своих неустойчивых «взаимоналожениях», зависимостях и иерархиях. Сам феномен «особого мира» (включая и «Россию-Евразию» в понимании П.Н. Савицкого и иных классиков евразийства) — столь универсален (как «по горизонтали», так и «по вертикали»), что не может и не должен абсолютизироваться (по крайней мере в научном исследовании), в том числе и применительно к такому его свойству как целостность (верно сказано, что с позиций географической науки «мир = миры») (Тютюнник, 2010).

Не есть константа и пространственная структура «особых миров», в том числе их внешние контуры (лишённые в большинстве ситуаций своей физико-географической обусловленности). Здесь же важно подчеркнуть, что в евразийской превалирующей интеллектуально-идеологической оптике то или иное «месторазвитие» существует изначально и лишь корректируется тем или иным народом. Присуща евразийству и традиция рассмотрения «Евразии» (не материка!) как единого месторазвития, а не множества взаимно напластовывающихся месторазвитий множества народов. Современные реалии высвечивают односторонность подобных представлений и их нарастающую архаичность, в том числе отнюдь не облегчающих выстраивание добрососедских отношений между Российской Фе-

дерацией и сопредельными постсоветскими государствами в новых, уже многополюсных и многовекторных форматах евразийского партнёрства.

Сказанное выше не означает, что евразийство предвзято, ретроградно и лишено резонов, своего конструктивного потенциала, долгосрочной перспективы. Действительно, только-только «выйдя из тени», укоренившись, евразийство оказалось в ситуации острейшего кризиса и соответствующих содержательных метаморфоз. Но при этом у современной России, пожалуй, нет сопоставимой с евразийством по значимости, узнаваемости и потенциалу своего воздействия национальной геоидеологии, способной сочетать традицию с новациями, предлагать множественность геостратегий, оперировать разномасштабными объектами (от конкретных российских регионов на «стыке» Европы и Азии, до предельно «больших», вмещающих весь материк, евразийских партнёрств).

Евразийство ценно для нас, во-первых, потому, что это геоидеология столь актуализированного и востребованного в современной России её геополитического, геокультурного и геоэкономического суверенитета как базового на обозримую перспективу вектора нашего национального бытия, самосохранения. Именно в рамках евразийства последовательно развиваются и отстаиваются положения, что народы и созданные ими культуры — равноценны, культивируемая «Европой» (Западом) система ценностей не является эксклюзивной и универсальной, а Россия выступает особым целостным пространством, дистанцированным и от Европы, и от Азии.

Реалии современного мироустройства, обретающего черты многополюсности [Караганов, 2022], разумеется, и в этом случае продуцируют множество вопросов, касающихся возможностей России действовать, развиваться в качестве самостоятельного планетарно значимого центра силы. Сложно, практически невозможно экономически, технологически и культурно обеспечить красной нитью проходящую через «евразийские» тексты «самодостаточность» нашей страны, в том числе учитывая её выраженную во многих субъектах федерации сопряжённость с Уммой, с Туркским миром, иными крупными этнокультурными целостностями, степень нашей актуальной включённости в евразийские торговые обмены, зависимость от экспорта, необходимость поддерживать высокотехнологический импорт и др.

Характерно, что именно классики евразийства предлагают в этой сфере значимые подсказки, демонстрируют необходимую гибкость и диалектичность подходов. Так, в 1923 г. П.Н. Савицкий озвучил тезис: «Россия должна жить сама по себе, довлечь сама над собой, сама должна являться светом для себя» [Евразийский временник, 1923: 164], однако он же в 1931 г. полагал гармоничным и должным «сочетание своего основного с восточным и западным» [Тридцатые годы, 1931]. Сохраняющийся, неизменно актуальный вопрос, конечно же, заключается в мере подобного «сочетания», в степени (приемлемости) вестернизированности, китае- и туркоориентированности тех или иных территорий России, равно как и присут-

ствия в российском социуме крупных диаспор народов постсоветских государств. «Соседствуя с разными цивилизациями, воплощая и примиряя гетерогенные культурные начала, — предупреждал А.С. Панарин, — нельзя сохранять ортодоксальность и герметичность духа: приходится быть открытым. Оборотной стороной этой открытости является хрупкость и проблематичность норм, готовность их сменить, нередко на противоположные» [Панарин, 1995: 28]. Декларируя свои евразийскую «особость» (в том числе, что сейчас модно — «северность», существенные черты именно «Северной Евразии») и, одновременно провозглашая «Большую Евразию», пытаясь активно соучаствовать в её конструировании, оказаться в числе бенефициаров данного геоэкономического проекта, адаптировать к нему собственное пространственное развитие [Безруков и др., 2024] — наша страна обречена далее обеспечивать хрупкий баланс между сохранением (расширением) присутствия в Евразии России, русской культуры и теми небыстрыми, но, тем не менее, в силу демографической, экономикой и технологической динамики практически неизбежными этнокультурными трансформациями в пределах самой юрисдикции Российской Федерации.

Подобные метаморфозы этнокультурной идентичности, будучи заведомо разноскоростными для конкретных российских регионов, выводят на авансцену нашей национальной интеллектуальной повестки ещё один значимый посыл евразийства: восприятия России в её современных политико-географических границах именно как Евразии. Апеллируя к устойчивой сопряжённости России и Евразии, классическая geopolитическая формула «Россия = Евразия» сохраняет свою изначальную ценность для понимания сущности нашей страны, которая остаётся евразийской, поликонфессиональной, многонациональной, инкорпорированной в широчайшую гамму трансграничных и иного рода международных связей, взаимозависимостей, контактов. Безусловную актуальность демонстрирует, впрочем, и её аналог-перевёртыш: «Евразия = Россия», поскольку именно Российская Федерация продолжает выступать несущим конструктом и важнейшим пространственным компонентом как классической, исторической «Евразии», так и любого рода новых её инвариантов, вмещающих в себя Россию в качестве приоритетного geopolитического актора. Замечу, при этом, что в текущем XXI веке успешно интегрировать евразийское пространство можно только активно и эффективно действуя на глобальном поле, реализуя глобальную геостратегию, продвигая общемировую повестку. И наоборот. В этой связи противоречивость, дихотомичность евразийства (выступающего не только идеологической рамкой противодействия периферийности нашей страны и культуры в глобальной мегасистеме, но и одновременно манифестом «евразийского глобализма» и глобального присутствия «России-Евразии» в полицентричном мире) предстаёт и его сильной, выигрышной стороной, поскольку евразийские идеи оказываются весьма созвучными декларируемым Россией (предельно чётко — в выступлении В.В. Пу-

тина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 7.11.2024) принципам мироустройства: признанию многообразия мира, самоценности и самобытности всех народов, обеспечению их суверенного равенства и др. В грядущем же развитии евразийских идей неизбежно, как видится, смещение акцентов с традиционного, ставшего во многом архивным, понимания «Евразии как России» — к идентификации собственно «России в Евразии» и осмыслению «России как Евразии».

* * *

Вступление Российской Федерации в период пролонгированного конфликта с «коллективным Западом» создаёт предпосылки для ренессанса евразийства в русле всё чётче осознаваемой отечественными обществоведами «национальной определённости» исследований. При формировании геостратегии нашей страны необходимо при этом следовать не столько «букве» евразийства, сколько его «духу», фиксируя и осознавая присущие евразийству противоречия (а, отчасти, и их архивность), обеспечивая необходимое развитие евразийских идей, что в практическом плане видится возможным лишь при опоре на инструментарий и фактологию общественной географии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Безруков Л.А., Дружинин А.Г., Кузнецова О.В., Шупер В.А. Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 2. С. 18–40.
2. Бордачёв Т. Россия и Китай в Большой Евразии: большая игра с позитивной суммой // Валдайские записки. 2016. № 50, Июнь. 15 с.
3. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.
4. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
5. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: «Пангея», 1993. 575 с.
6. Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географических исследований культуры: автореферат на соиск. ученой степ. доктора геогр. наук. СПб., 1995. 51 с.
7. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
8. Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 228 с.
9. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 270 с.
10. Дружинин А.Г. Идеи евразийства в современной России: традиция и метаморфозы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. Т. 20. № 1. С. 5–14.
11. Дружинин А.Г. Дихотомии евразийства: общественно-географический анализ // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 102–144.
12. Дугин А.Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 142–152.
13. Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. 175 с.

14. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Изд-во «Балканы», 1921. 135 с.
15. Каганский В.Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.
16. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5 (117). С. 6–18.
17. Котляков В.М., Шупер В.А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред. В.М. Котлякова и В.А. Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 357–372.
18. Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
19. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФРАН, 1995. 261 с.
20. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. София, 1931. 319 с.
21. Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М., 2016. 476 с.
22. Цвијић Ј. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи антропогеографије. Београд, 1966. 582 с.
23. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы.
24. Akçalı E., Perinçek M. (2009), Kemalist Eurasianism: An emerging geopolitical discourse in Turkey, *Geopolitics*, vol. 14, no. 3, pp. 550–569.
25. Beloglazov A.V., Akhmetzyanov I.G. (2015), Russian-Kazakh cooperation as a factor in the implementation of the Eurasian idea, *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no. 5, pp. 176–183.
26. Balogh P. (2020), Clashing geopolitical self-images? The strange co-existence of Christian bulwark and Eurasianism (Turanism) in Hungary, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 63, iss. 6, pp. 726–752.
27. Bassin M. (2003), «Classical» Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity, *Ab imperio*, no. 2, pp. 257–266.
28. Bassin M., Glebov S., Laruelle M., eds., (2015), Between Europe and Asia. The origins, theories, and legacies of Russian Eurasianism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 267 p.
29. O'Loughlin J. (2001), Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era, *Geopolitics*. vol. 6, iss. 3, pp. 17–48.
30. Shlapentokh D.V. (1997), Eurasianism: Past and present, *Communist and Post-communist Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 129–151.

REFERENCES:

1. Akçalı E., Perinçek M. (2009), Kemalist Eurasianism: An emerging geopolitical discourse in Turkey, *Geopolitics*, vol. 14, no. 3, pp. 550–569.
2. Balogh P. (2020), Clashing geopolitical self-images? The strange co-existence of Christian bulwark and Eurasianism (Turanism) in Hungary, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 63, iss. 6, pp. 726–752.
3. Bassin M. (2003), «Classical» Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity, *Ab imperio*, no. 2, pp. 257–266.
4. Bassin M., Glebov S., Laruelle M., eds., (2015), Between Europe and Asia. The origins, theories, and legacies of Russian Eurasianism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 267 p.
5. Beloglazov A.V., Akhmetzyanov I.G. (2015), Russian-Kazakh cooperation as a factor in the implementation of the Eurasian idea, *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no. 5, pp. 176–183.
6. Bezrukov L.A., Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V., Shuper V.A. (2024), Spatial development of Russia in the context of the formation of Greater Eurasia: factors, vectors, priorities, *The Baltic region*, vol. 16, no. 2, pp. 18–40. (In Russ.).
7. Bordachev T. (2016), Russia and China in Greater Eurasia: a big game with a positive

- sum, Valdai Notes. no. 50, June, 15 p. (In Russ.).
8. Czviiich J. (1966), Balkan Peninsula and South Slavic countries. The basics of anthropogeography. Belgrade, 582 p. (In Serbian).
 9. Gumilev L.N. (1989), Ethnogenesis and the biosphere of the Earth, Leningrad: Leningrad State University, 286 p. (In Russ.).
 10. Druzhinin A.G. (1995), Theoretical and methodological foundations of geographical research of culture: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Geographical Sciences. St. Petersburg, 51 p. (In Russ.).
 11. Druzhinin A.G. (1999), Theoretical foundations of the geography of culture. Rostov-on-Don: Publishing house of the Russian Scientific Research Center Higher School of Economics, 114 p. (In Russ.).
 12. Druzhinin A.G. (2016), Russia in a multipolar Eurasia: the view of a geographer and social scientist. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 228 p. (In Russ.).
 13. Druzhinin A.G. (2021), The ideas of classical Eurasianism and modernity: a socio-geographical analysis. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 270 p. (In Russ.).
 14. Druzhinin A.G. (2024a), The ideas of Eurasianism in modern Russia: tradition and metamorphosis, Geopolitics and ecogeodynamics of regions, vol. 20, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.).
 15. Druzhinin A.G. (2024b), Dichotomies of Eurasianism: a socio-geographical analysis, Bulletin of the I. Kant BFU. Ser. Humanities and Social Sciences, no. 2, pp. 102–144. (In Russ.).
 16. Dugin A.G. (2022), Eurasianism as a non-Western episteme of Russian humanities, Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations, vol. 22, no. 1, pp. 142–152. (In Russ.).
 17. Eurasian Time Guide (1923), Non-periodic edition, eds. Savitsky P., Suvchinsky P. and Trubetskoy N. The third book. Berlin: Eurasian book publishing, 175 p. (In Russ.).
 18. Gumilev L.N. (1993), Rhythms of Eurasia. Epochs and civilizations. Moscow: «Pangea», 575 p. (In Russ.).
 19. Kagansky V.L. (2007), «Eurasian imaginary», Russia as a civilization: Stable and changeable, ed. Yakovenko I.G. Scientific Council of the Russian Academy of Sciences «History of World Culture». Moscow: Nauka, pp. 531–590. (In Russ.).
 20. Karaganov S.A. (2022), From Non-Westerners to the global majority, Russia in global politics, vol. 20, no. 5 (117), pp. 6–18. (In Russ.).
 21. Kotlyakov V.M., Shuper V.A. (2019), Russia in Greater Eurasia: challenges for the 21st century, Russia in the emerging Greater Eurasia, eds. Kotlyakov V.M., Shuper V.A. Geography issues. Issue 148. Moscow: Codex Publishing House, pp. 357–372. (In Russ.).
 22. Lavrov S.B. (2000), Lev Gumilev. Fate and ideas. Moscow: Svarog and K., 156 p. (In Russ.).
 23. O'Loughlin J. (2001), Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era, Geopolitics. vol. 6, iss. 3, pp. 17–48.
 24. Panarin A.S. (1995), Russia in the civilizational process (between Atlanticism and Eurasianism). Moscow: IFRAN, 261 p. (In Russ.).
 25. Shlapentokh D.V. (1997), Eurasianism: Past and present, Communist and Post-communist Studies, vol. 30, no. 2, pp. 129–151.
 26. The exodus to the East (1921), Premonitions and achievements. Approval of the Eurasians. Book 1. Sofia: publishing house «Balkans», 135 p. (In Russ.).
 27. The thirties (1931), Approval of the Eurasians. Book VII. Sofia, 319 p. (In Russ.).
 28. Trotsky L.D. (2016), Devoted revolution: What is the USSR and where is it going? Moscow, 476 p. (In Russ.).
 29. Tsymbursky V.L. (2007), Island of Russia. Geopolitical and chronopolitical works. 1993–2006. Moscow: ROSSPAN, 543 p. (In Russ.).
 30. Vernadsky G.V. (1927), The outline of Russian history. Part one. Prague: Eurasian book publishing, 264 p. (In Russ.).